

Российские вузы и Болонский процесс: взгляд парламентария *

Олег Н. Смолин

В России, как и в Германии, продолжается активное обсуждение последствий присоединения страны к Болонской Декларации и предстоящей в связи с этим значительной унификации системы высшего образования в странах Европы. Как известно, в 1999 г. Декларация была подписана 29-ю государствами, и до настоящего времени их число продолжает расти. После присоединения к Декларации Российской Федерации в сентябре 2003 г. в отечественном образовательном и политическом сообществе по-прежнему существуют два взгляда на то, что сулит российскому образованию Болонский процесс и, соответственно, имеются сторонники двух, существенно различных линий поведения по отношению к нему.

Во-первых, это приверженцы всеобщей и максимально быстрой перестройки российской системы высшего образования на болонских началах. К ним принадлежат, в частности, политики ярко выраженной либеральной ориентации (СПС, „Яблоко“ и др.), а также руководители ряда высших учебных заведений (например, Санкт-Петербургского государственного университета, Российского университета Дружбы народов и др.).

Во-вторых, это сторонники осторожной позиции по отношению к Болонье, предполагающей плавное вхождение в процесс при максимальном сохранении достижений отечественного образования. К этому направлению принадлежат лидеры левого фланга образовательной политики (КПРФ, „Родина“, „несталинистские левые“ и т. п.), а также руководство профильного Комитета Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии, и ректор МГУ, президент Российского союза ректоров В. Садовничий. К данному направлению принадлежит и автор этих строк. Отсюда близость позиций и аргументаций тому, что изложено от имени Московского государственного университета его проректором А. Сидоровичем, при акцентировании внимания не просто на образовательных последствиях Болоньи, но и связанных с ними государственных интересов России.

Забегая вперед, можно утверждать, что для России и российского образования формальный счет плюсов и минусов Болонского процесса – 3:3, но пока не в пользу нашей страны. Начнем с плюсов.

Первое. Увеличение возможностей экспорта образовательных услуг российскими вузами. Отечественное высшее образование, особенно естественно-математическое и инженерное, остается достаточно качественным, но, по сравнению с Европой и Америкой, по-прежнему дешевым. Присоединив-

шись к Болонскому процессу, российские вузы смогут обучать или, по меньшей мере, претендовать на обучение студентов из европейских стран и Северной Америки. Иначе говоря, речь идет об инвестировании высшего образования в России за счет притока капиталов из-за рубежа. Насколько успешным окажутся подобные проекты – вопрос открытый. По свидетельству Посла Соединенных Штатов Америки в России, г-на Вершбоу, обмен студентами между США и РФ сопоставим по количественным показателям с обменом между США и небольшими латиноамериканскими странами, типа Ямайки.

Второе. Качественный рост академической мобильности путем введения системы зачетных баллов. Во многих европейских вузах существует учет успеваемости, основанный на оценке различных курсов по уровню трудоемкости их освоения: каждому курсу приписывается определенное число таких баллов, а студент, набравший необходимое их количество, считается закончившим семестр, триместр или учебный год. При этом баллы можно набирать в различных учебных заведениях, в том числе, осваивая курсы образования взрослых. Такая система позволяет студенту разнообразить образование и жизненный опыт, поучиться в нескольких вузах различных стран, открывает новые возможности для использования дистанционных образовательных технологий, которое многими специалистами рассматривается в качестве основного отличия системы образования в постиндустриальном обществе.

Третье и главное. Расширение пространства свободы личности. Получив конвертируемый диплом, выпускник российского вуза сможет работать в любой из стран, подписавших Болонское соглашение, зарабатывать деньги на жизнь, посмотреть мир и т. п. Как сказал когда-то поэт: „Дай бог побольше разных стран, своей не потеряв, однако“.

К вероятным минусам присоединения России к Болонскому процессу относятся следующие:

Во-первых, предполагаемая принудительная бакалавризация всей страны. Пункт 1 статьи 6 действующего Федерального Закона „О высшем и послевузовском профессиональном образовании“ гласит: „Основные образовательные программы высшего профессионального образования могут быть реализованы непрерывно и по ступеням“. Иначе говоря, в настоящее время вуз вправе выбирать одну из двух стратегий обучения: либо версию „четырёхлетний бакалавриат плюс двухлетняя магистратура“, либо традиционную для отечественного образования пятилетнюю подготовку специалиста.

Если судить по одобренным Минобразованием и науки документам „Концепция участия Российской Федерации в управлении имущественными комплексами организаций, осуществляющих деятельность в сфере образования“ и „О приоритетных направлениях развития образовательной систе-

мы в РФ“, после подписания Болонской декларации Правительство требует, чтобы на двухступенчатую систему переходили абсолютное большинство вузов, а „специалитет“ соглашается сохранить лишь по узкому кругу направлений подготовки. Между тем, среди выпускников отечественных вузов 2002 г. бакалавры и магистры в совокупности составили около 55 тысяч, а специалисты – почти 600 тыс. И это не случайно, ибо Российские бакалавры, как правило, имеют серьезные проблемы с трудоустройством. В определенной мере ситуацию отражает популярная в образовательных кругах шутка неизвестного автора:

Выпускник вуза:

- Здравствуйте, я бакалавр.

Работодатель:

- Вижу, что не Иванов, но расскажи лучше, чему тебя научили?

Действительно, против бакалавриата решительно выступают ректоры вузов и работодатели системы здравоохранения, оборонного комплекса, большинства инженерных специальностей и значительной части системы педагогического образования. Однако он представляется вполне приемлемым для подготовки менеджмента младшего и среднего звена, сферы обслуживания и т. п.

Помимо этого, европейский диплом бакалавра обычно дает достаточно широкое образование без настоящей специализации. Соответственно, на Западе создана специальная система дообучения таких выпускников, нередко прямо в фирмах. В России подобной системы нет. Поэтому, вопреки прекраснодушным намерениям, принудительная бакалавризация, в отличие от добровольной, может привести к понижению уровня отечественного высшего образования и его конкурентоспособности. Кстати, по иронии судьбы, именно повышение такой конкурентоспособности на международном рынке образовательных услуг (подразумевается конкуренция европейских вузов с американскими) объявлено одной из главных целей Болонской декларации.

Во-вторых, возможная утрата российским образованием собственного „лица“, сформированного отечественной культурной традицией. Болонская декларация предусматривает, что присоединившиеся к ней страны должны строить системы образования в соответствии с европейской традицией. Россия, разумеется, страна европейская, как справедливо заметил известный историк П. Милюков, и попытка реализовать особый курс в Евразию способна привести, скорее, в „Азиопу“. Однако в стране накоплен собственный весьма интересный опыт построения системы образования и образовательных технологий. Не случайно международные организации признают, что качество образования по естественнонаучным дисциплинам в России выше, чем во многих странах Европы. Исторически сложилось так, что часть населения „силиконовой долины“ говорит по-русски, наряду с говорящими

по-корейски и по-индийски. Не случайно еще в советский период более 70% потребности США в математиках реализовалось за счет эмигрантов из СССР и т.п. В этой связи заслуживает поддержки позиция руководства ряда ведущих вузов во главе с Московском государственным университетом: в тех случаях, когда качество образования в России выше среднеевропейского, следует не только принимать общие условия Болонского процесса, но и выставлять собственные.

Наконец, в-третьих, существует явная угроза нарастания „утечки умов“. Не секрет: статус высококвалифицированного специалиста и его зарплата в России и Западной Европе качественно различаются. Российский начинающий учитель получает при одной ставке 40-50 евро в месяц, а в Германии или Великобритании – около двух тысяч евро. В России научные работники по оплате труда среди профессиональных отрядов в 90-х гг. регулярно занимали четвертое место снизу, опережая по этому показателю лишь работников образования, культуры и сельского хозяйства (соответственно третье, второе и первое место снизу). Лишь в 2004 г. зарплата российского ученого на 24% превысила среднюю по стране, да и то во многом за счет значительного увеличения государственных надбавок академикам и членам-корреспондентам государственных академий. Европейские же ученые – высокооплачиваемая категория людей, хотя интенсивность их труда во многих странах ниже российской. Даже при отсутствии Болонской декларации, по данным Российского фонда фундаментальных исследований, только в начале 90-х годов из страны уехали 80 тыс. ученых. Прямые потери государства при этом составили не менее 60 млрд. долларов (в те времена – несколько годовых бюджетов России). По оценкам ректора РОСНОУ В.А. Зернова, общие потери страны от утечки умов с 1970 г. по настоящее время составляют около одного триллиона долларов.

Совершенно очевидно: если выпускники российских вузов получают „конвертируемые“ дипломы при сохранении современной разницы в доходах, они буквально ринутся за рубеж, а страна, вкладывая бюджетные средства в образование и провоцируя новую волну эмиграции, фактически будет инвестировать рост человеческого потенциала в Западной Европе, ее технологическое и экономическое развитие. Отказываясь или не будучи способным сбалансировать реформы, правительство никак не хочет понять: нельзя все сделать, „как у них“, а оплату высококвалифицированного труда в системе человек-человек и вообще уровень доходов интеллигенции оставить, „как у нас“. Скорость вхождения в Болонский процесс должна быть согласована с повышением статуса высококвалифицированных специалистов.

Важно отметить еще одно обстоятельство. Болонская декларация, и без того представляющая собой „палку о двух концах“, в России подвергается искажению, произвольной трактовке, причем не в пользу образования. Вот лишь

несколько примеров:

- Декларация говорит, что бакалавриат должен продолжаться не менее трех лет. В России многие предлагают на этом основании сократить срок обучения студентов. Но ведь и четыре, и пять лет обучения – это никак не менее трех.

- Декларация не требует конкурсного отбора для обучения студентов на старшей ступени высшего образования. Однако именно это предлагается в законопроектах, подготовленных группой И. Шувалова при участии специалистов Высшей школы экономики. Тем самым доступ к качественному образованию для российских граждан предполагается еще более ограничить.

- Настаивая на автономии университетов, декларация по своему духу предполагает добровольность участия в Болонском процессе. В России же ее, похоже, намереваются насаждать, как кукурузу.

В целом, это типичная для последних 15 лет попытка реформировать отечественное образование по западным образцам, причем, что самое печальное, „исправленным“ в худшую сторону.

Подведем краткие итоги.

1. По своему замыслу Болонский процесс есть часть закономерного и прогрессивного процесса интернализации общественной жизни.

2. В области образования интернализация не может интерпретироваться как усреднение, как раскраска всех национальных систем образования в некий средний серый цвет. В теории культуры существует даже точка зрения, согласно которой интернализация предполагает экономическую конвергенцию и культурную дивергенцию. Если даже это не так, то необходимо, как минимум, сохранение лучших национальных традиций.

Учитывая огромное взаимное влияние российской и немецкой культур, не раз подумалось предлагалось венчать Волгу-мать и Фатер-Райн, однако это вовсе не значит, что первую следует повернуть на север, а второго – на юг. Обеим нашим странам нужно достичь высот образования, но каждый вправе идти к ним своим путем. Пусть же встреча образовательных систем произойдет не у подножия, а на вершине!

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 05-03-03487а.